

Гу Хуайцин, обычно такой горделивый и надменный, сейчас походил на испуганного ребёнка. Вся его фигура сжалась в комок, он дрожал, вцепившись в рукав Дуань Минчэня, и выглядел до жалости беспомощным. Сердце Дуань Минчэня сжалось от сострадания. Он притянул Гу Хуайцина к себе, мягко похлопывая по плечу и спине, успокаивая ласковыми словами. Позже Дуань Минчэнь и сам размышлял: а так ли уж важно, был ли тот оскоплён? Гу Хуайцин оставался Гу Хуайцином. Даже будь он настоящим евнухом с физическим изъяном, Дуань Минчэнь не стал бы презирать его за это — напротив, его уважение лишь возросло бы. Просто в глубине души он надеялся, что столь выдающийся человек, как Гу Хуайцин, обладает целостным, здоровым телом.

Но раз Гу Хуайцин так яростно противился любым расспросам на эту тему, разве мог Дуань Минчэнь силой стащить с него штаны и устроить досмотр?

Потому Дуань Минчэнь временно оставил попытки докопаться до сути. Однако, вспоминая ту ночь, ярче всего перед ним вставали образы: пылающее жаром тело Гу Хуайцина, его алые губы и те влажные, туманные, неопишимо прекрасные глаза...

Держать его в объятиях было сопряжено с невыразимым чувством полноты и удовлетворения — таким, которое не дарил ему никто другой.

И, вероятно, Гу Хуайцин тоже не питал к нему неприязни? Иначе почему в тот день он не сопротивлялся, когда Дуань Минчэнь обнимал его, а, напротив, сам прижался, искал опоры? А теперь и вовсе переехал жить по соседству...

Дуань Минчэнь отдавал себе отчёт, что скользит к опасной пропасти. Он всегда был человеком, в котором рассудок брал верх над чувствами, но этот бушующий прилив эмоций становилось всё труднее сдерживать. Подобно паводковым водам, подтачивающим берег, однажды они неминуемо прорвут плотину...

Дуань Минчэнь испытывал страх, но вместе с тем — необъяснимое волнение. Мужская природа наделена жадной покорения и охотничьим азартом, и что могло быть увлекательнее, чем завоевать такого сильного и прекрасного человека, как Гу Хуайцин?

Выкупив соседний с домом Дуаней четырёхсторонний двор, Гу Хуайцин затеял масштабный ремонт. Вся черепицу на крыше заменили новой, внешние стены перекрасили, мебель сменили на полный гарнитур из жёлтого грушевого дерева, а в покоях расставили всевозможные безделушки.

Эти предметы были императорскими дарами, накопленными Гу Хуайцином за долгие годы. Каждый из них представлял немалую ценность — в обычной семье такую вещь берегли бы как фамильную реликвию. Но Гу Хуайцин просто расставлял их по дому, вызывая ощущение расточительного отношения к драгоценностям. Невольно возникала тревога: случись в доме вору, убытки были бы колоссальны! Хотя, с другой стороны, какой вор осмелится сунуться в жилище главного евнуха из Восточной Ограды, да ещё по соседству с живущим начальником гвардии в парчовых халатах, человеком выдающегося боевого мастерства?

При деятельном содействии госпожи Дуань Гу Хуайцин нанял честного и степенного старого управляющего, а также приобрёл двух слуг и двух служанок.

Двор академика Чжана был весьма обширен. Прежняя хозяйка, госпожа Чжан, разводила там цветы, но Гу Хуайцин счёл их слишком капризными и непрактичными. Он велел

управляющему выполоть все насаждения и заменить их овощами и фруктами. Под благовидным предлогом «бережливого использования земли и недопущения пустой траты ресурсов» он, по сути, стремился обеспечить себя свежими овощами и плодами, дабы удовлетворить гастрономические запросы обжоры.

В один из редких выходных дней для чиновников Дуань Минчэнь зашёл к Гу Хуайцину в гости и застал того в простой холщовой крестьянской куртке, с волосами, убранными под синий головной платок, босым, в соломенных сандалиях, согнувшимся над грядкой с мотыгой.

Дуань Минчэнь был поражён. На людях Гу Хуайцин всегда одевался изысканно и выглядел ослепительно, превосходя в благородстве вида даже отпрысков знатных родов. Кто бы мог подумать, что у него есть такая простодушная, «земная» сторона? Впрочем, даже грубая крестьянская одежда сидела на Гу Хуайцине прекрасно. Говорят, «одежда красит человека», но истинный красавец остаётся таковым в любом наряде.

Дуань Минчэнь уже собрался окликнуть его, как вдруг Гу Хуайцин, забыв о каком-либо достоинстве, вскочил на месте с криком: «А-а-а! Моя батата! Проклятые крысы, опять грызут мою батату! Ну что за наглость!»

Управляющий, старина Ван, с горькой усмешкой попытался вразумить: «Молодой господин, я же предупреждал — здесь много мышей, они обязательно погрызут батату. А вы не послушали».

Гу Хуайцин в ярости дёрнул за головной платок: «Не может быть! Неужели нет способа справиться с этими тварями? Так и будем смотреть, как они уничтожают весь урожай? Я всего-то хотел полакомиться печёной бататой!»

«Можно, конечно, рассыпать по земле крысиный яд, — развёл руками старина Ван, с видом полной беспомощности. — Но тогда и растения впитают отраву, что вредно для здоровья!»

Увидев огорчённое лицо Гу Хуайцина, Дуань Минчэнь не сдержал смешка: «Проблема с крысами? У меня есть решение!»

«Брат Дуань?» — только теперь Гу Хуайцин заметил гостя и радостно воскликнул: «У тебя есть способ справиться с крысами? Говори скорее!»

«Всё просто — заведи кошку».

«Кошку?» — Гу Хуайцин нахмурился и покачал головой.

В дворцовых покоях некоторые наложницы любили держать кошек. Но будь то длинношёрстная персидская кошка вдовствующей императрицы или драгоценная разноглазая кошка драгоценной наложницы Нин — все они целыми днями только и делали, что лениво ели да спали. Сомнительно, чтобы они пошевелились, даже если бы мышь пробежала у них перед носом.

Дуань Минчэнь рассмеялся: «Дворцовые декоративные кошки, конечно, не подойдут. Нужна деревенская беспородная кошка, прирождённая мышеловка. Доверь это дело мне, гарантирую — найду тебе настоящего охотника».

«Если это действительно поможет истребить крыс, можно попробовать», — с недоверием ответил Гу Хуайцин.

Дуань Минчэнь подошёл, засучил рукава и принялся вместе с Гу Хуайцином изучать премудрости огородничества. Тот с энтузиазмом демонстрировал плоды своих трудов. Два профана, усевшись на корточках среди грядок, увлечённо шептались и обсуждали детали.

Наблюдай кто-нибудь эту сцену со стороны, наверняка счёл бы её забавной: два высокопоставленных сановника империи с видом знатоков рассуждают о тонкостях земледелия.

Поговорив некоторое время, они заметили, что солнце уже клонится к закату. Дуань Минчэнь обратился к Гу Хуайцину: «Вчера мы с коллегами ходили на охоту, добыли кое-какую дичь — кролика, косулю, кабана. Мясо отменное, я попросил матушку приготовить. Сегодня вечером звал на ужин нескольких сослуживцев из гвардии в парчовых халатах. Присоединяйся?»

Едва услышав о вкусной еде, Гу Хуайцин буквально вспыхнул, у него даже слюнки потекли. Он тут же закивал: «Конечно! Матушкина кухня — высший класс!»

Гу Хуайцин вымыл руки, вернулся в дом, снял крестьянскую куртку, переоделся в простое синее платье-«чжишэнь» и отправился вслед за Дуань Минчэнем к нему.

Госпожа Дуань, завидев Гу Хуайцина, выбежала из кухни в фартуке и с радушием принялась осыпать его заботливыми расспросами. Поскольку остальные гости ещё не подошли, а она боялась, что те проголодаются, то велела служанкам подать чай с лёгкими закусками и семечками, чтобы те могли перекусить в ожидании.

Гу Хуайцин, держа в левой руке чашку чая, а в правой пригоршню семечек, неспешно беседовал с Дуань Минчэнем, попивая чай и щёлкая скорлупки.

Через некоторое время первым прибыл Ло Цинь.

Во время инцидента в Цинчжоу, когда на них напали убийцы, Ло Цинь получил отравленный дротик. Он не смог сопровождать Дуань Минчэня и Гу Хуайцина при конвоировании Сяньэ Сюньфэя обратно в столицу, остался на месте для лечения и вернулся в столицу лишь после полного выздоровления. По возвращении у него ещё не было возможности лично увидеться с Гу Хуайцином, хотя он и отправил тому в Восточную Ограду богатые дары в знак благодарности за спасение жизни.

Не ожидая встретить Гу Хуайцина в доме Дуань Минчэня, Ло Цинь смутился: «А... господин Гу... вы... вы как здесь оказались?»

Гу Хуайцин насмешливо приподнял густые длинные брови: «А что, мне здесь не рады?»

«Нет-нет, я не это имел в виду!» — детское лицо Ло Циня залилось краской. — «Разумеется, рады!»

Раньше Ло Цинь питал предубеждение против Гу Хуайцина и не раз открыто задирали его. Однако Гу Хуайцин не только не затаил зла, но в критический момент спас ему жизнь. С тех пор чувства Ло Циня к Гу Хуайцину стали невероятно сложными. Вспоминая свои былые предрассудки, он испытывал жгучий стыд и неловкость при встрече, но при этом его разум вновь и вновь непроизвольно возвращался к образу Гу Хуайцина, сражающегося в одиночку с пиратами или против толпы убийц.

Пусть Ло Цинь и обладал заносчивостью юности, но был человеком прямодушным. С того момента, как Гу Хуайцин спас его, всякая неприязнь в его сердце исчезла, уступив место

благодарности и восхищению.

Его наставники и старшие учили: «Способность признать ошибку — великое благо». Потому, собравшись с духом и покраснев, Ло Цинь обратился к Гу Хуайцину: «В прошлом я вёл себя по отношению к вам, господин Гу, крайне непочтительно, много раз наносил обиды. Но вы, будучи великодушным, не взыскали с меня за мою наглость, а напротив — спали мне жизнь. Эта милость навеки запечатлелась в моём сердце!»

С этими словами Ло Цинь низко и почтительно склонился в глубоком поклоне.

<http://bllate.org/book/16283/1467004>